

если беседа носила душевный и искренний характер. Вопрос, конечно, не мог ставиться грубо: чутье художника и моралиста подсказывало Льву Николаевичу, когда можно и когда нельзя сделать такой вопрос собеседнику.

Главный интерес при этом состоял для Льва Николаевича не просто в том, чтобы заглянуть в тайники чужой души, хотя подобное стремление именно с его стороны, как величайшего художника и наблюдателя душевой жизни, было бы и вполне понятно, и уместно. (С этой точки зрения можно «простить» Льву Николаевичу и то, что, как мне говорили, он иногда... подслушивал чужие разговоры). Страсть понять людей у него была чрезвычайная!

Но, в данном случае, дело было даже и не в этом. Льва Николаевича интересовала не психологическая, а, сколько я наблюдал, исключительно моральная сторона вопроса. В каждом отдельном случае его интересовал вопрос: сохраняет ли данный юноша целомудрие или нет? Говорить Льву Николаевичу неправду было невозможно, и, без сомнения, те ответы, которые он получал, были правдивы.

При этом Лев Николаевич не бранил своего собеседника, не выговаривал ему в том случае, если ответ на вопрос получался отрицательный. Он только делал соответствующую зарубку в своей памяти.

Ответ положительный почти всегда трогал его до слез, — и ради таких-то, хотя бы и редких, положительных ответов Лев Николаевич имел терпение выслушивать и все, — конечно, гораздо более многочисленные, — ответы отрицательные.